

С.М. Телегина

С.Н. ДУРЫЛИН — ИССЛЕДОВАТЕЛЬ ТВОРЧЕСТВА М.Ю. ЛЕРМОНТОВА

В работе дан обзор исследований С.Н. Дурылина о М.Ю. Лермонтове, в которых личность и творчество поэта рассматриваются с точки зрения его христианского мировоззрения и «изначальной религиозности». Показан полемический характер исследований, их отличие от работ позитивистского направления. Рассмотрены взгляды Дурылина на поэтику Лермонтова.

Ключевые слова: М.Ю. Лермонтов, С.Н. Дурылин, молитва, Ангел, «Демон», небо, св. София, Богоматерь, Пушкин и Лермонтов, лирика, поэтика, психологический роман.

И кем убит? Рукой случайной?
Иль демоном сторожевым?
Благоухающею тайной
Овеян, мучим и любим...¹

С.Н. Дурылин

Творческое наследие Сергея Николаевича Дурылина — крупного представителя русского религиозно-философского Ренессанса начала XX века: философа, богослова, учёного (филолога, искусствоведа, этнографа), писателя и поэта, историка театра, священника, педагога, биографа и близкого друга художника М.В. Нестерова, духовного сына оптинского старца Анатолия (Потапова) — возвращается в наше время к читателю. Долгие годы не переиздавались даже его филологические труды, вышедшие в первой половине XX века. Энциклопедичность познаний и широта научных интересов Сергея Николаевича изумляла всех, кому довелось с ним общаться². Книгу Дурылина «Цер-

Светлана Михайловна Телегина — исследователь творчества М.Ю. Лермонтова (svetlanatelegina@yandex.ru).

¹ Дурылин С.Н. 4 строки из стихотворения о Лермонтове. 1917 // Собрание сочинений: в 3 т. Т. 2. М.: Изд-во журнала «Москва», 2014. С. 497.

² «Писал [Сергей Николаевич] со свойственной ему стремительностью и легкостью сразу многое работ. Отчетливо помню, что одновременно писались, или дописывались, или исправ-

ковь Невидимого града. Сказание о граде Китеже»³ читал и высоко оценил государь император Николай II: «Эта книга показала Россию, в которой есть не только бедность и глупость, не только хлыстовство и [воры] интенданты, а есть ещё подлинное богатство, о коем мы и не подозреваем»⁴. Дурылин преподавал русский язык царским детям (по свидетельству С.М. Голицына⁵), русскую словесность — правнуку Ф.И. Тютчева Кириллу Пигареву, ставшему впоследствии крупным учёным, был собеседником Л.Н. Толстого и другом последних дней В.В. Розанова.

В марте 1920 года Сергей Николаевич принял священнический сан, служил в храме Николы в Клённиках на Маросейке, где настоятелем был о. Алексей Мечев (св. праведный Алексей Московский). В июне 1922 года о. Сергия арестовали и в начале 1923 года выслали в Челябинск, откуда он вернулся в 1924 году. Второй раз арестован в июне 1927 года и выслан в Томск. Примечательно, что второй срок ссылки Дурылин получил за распространение книг В.В. Розанова, запрещённых в советской России.

После возвращения из второй ссылки в 1933 году о. Сергей не служил в храмах. Существует версия о сложении им священнического сана, но документами данная версия не подтверждена. С.И. Фудель в своих воспоминаниях отметил: «Епископ Стефан (Никитин), знавший лично С.Н. Дурылина, говорил, что он, никогда и нигде не отрекался от Церкви и *не снимал сана*»⁶. Все последующие годы жизни С.Н. Дурылин посвятил научной деятельности, получив признание в научном мире, как крупный искусствовед и литературовед (доктор филологии, профессор ГИТИСА).

М.Ю. Лермонтов занимает особое место в творческом наследии С.Н. Дурылина; великий поэт был не только объектом его исследований, но и предметом его большой, непреходящей любви («страстная любовь на всю жизнь»). Дет-

лялись рассказы, стихи, работа о древней иконе, о Лермонтове, о церковном Соборе, путевые записки о поездке в Олонецкий край, какие-то заметки о Розанове и Леонтьеве и что-то еще. Не знаю, писал ли он тогда о Гаршине и Лескове, но разговор об этом был...». *Фудель С.И.* Собрание сочинений: в 3 т. Т. 1. Воспоминания. Письма. / сост. и коммент. прот. Н.В. Балашова, Л.И. Сараскиной; предисл. прот. В.Н. Воробьева. М.: Русский путь, 2001. С. 46.

³ *Дурылин С.Н.* Церковь Невидимого града. Сказание о граде Китеже. М.: Путь, 1914.

⁴ *Половинкин С.М.* С.Н. Дурылин — учитель свв. царских дочерей и А. Д. Сахарова // Сергей Дурылин и его время: Исследования. Тексты. Библиография. Кн. I: Исследования / сост., ред., предисл. Анны Резниченко. М.: Модест Колеров, 2010. С. 111. (Серия: «Исследования по истории русской мысли». Том 14). Далее: Сергей Дурылин и его время...

⁵ *Голицын С.М.* Записки уцелевшего. М.: Орбита, Моск. филиал, 1990. С. 730.

⁶ *Фудель С.И.* Собр. соч.: в 3 т. Т. 1. С. 55.

ство Сергея Николаевича прошло под сенью лермонтовской поэзии: «Мои любимые книги были Лермонтов и жития святых...»⁷, — признаётся он в письме к Л.Л. Эллису в 1910 году. Но и в зрелые годы поэт для него — «вечный возврат к себе, в своё «родное», в какую-то сердцевину»⁸ «Я верен себе вопреки себе: так же, как ребенком, отроком, я тянусь к Лермонтову, так же баюкает душу его «Колыбельная песня»⁹, — пишет Дурылин в дневнике 10 декабря 1927 года, находясь в томской ссылке. Эта зоркость сердца открывает ему такие смыслы лермонтовского творчества и такие грани личности поэта, которые остались незамеченными другими исследователями и критиками. Его работы, соединяя в себе научную и духовную глубину, помогают увидеть в личности Лермонтова устремлённость к Богу, а в его творениях отделить главное и *вечное* от случайного и преходящего.

С 1912 г. по 1918 г. С.Н. Дурылин был секретарём Московского религиозно-философского общества памяти Вл. Соловьёва. На одном из заседаний в 1912 году он выступил со своей первой большой работой о поэте «Судьба Лермонтова», опубликованной в октябре 1914 года в журнале «Русская мысль»¹⁰ Это был переломный период в его жизни: после духовных скитаний в ранней юности, он вновь обретает веру и начинает активно работать в области философского литературоведения, «религиозно отзываясь на Лермонтова»¹¹.

В центре внимания Дурылина сложная, живая и загадочная личность поэта, воплощённая в его творчестве. Говоря о восприятии поэзии и личности Лермонтова современниками и исследователями, Сергей Николаевич замечает: «Если большинство вспоминавших о Лермонтове и его судьбе вспоминали, в сущности, о Печорине и его судьбе, то писавшие о поэте — Лермонтове в большинстве случаев писали, конечно, не о великом русском поэте, а о посредственном байронисте. <...> О байронизме Лермонтова мы узнаём раньше, чем узнаём самого Лермонтова. Напрасно создаёт Лермонтов творения невозможные для Байрона: «Песнь о купце Калашникове» «Максим Максимыча», «Ветку Палестины», напрасно ещё юношей заверяет нас поэт: «Нет, я не Байрон, я другой,

⁷ Нефедьев Г.В. Переписка С.Н. Дурылина и Эллиса (1909–1910) // Сергей Дурылин и его время... С. 147.

⁸ Дурылин С.Н. В своём углу / сост. и прим. В.Н. Тороповой; предисл. Г.Е. Померанцевой. М.: Молодая гвардия, 2006. С. 405. (Биб-ка мемуаров: Близкое прошлое; Вып. 21).

⁹ Дурылин С.Н. В своём углу... С. 398.

¹⁰ Дурылин С.Н. Судьба Лермонтова // Русская мысль. 1914. № 10 (окт). II отд. С.1–30.

¹¹ Половинкин С.М. София С.Н. Дурылина и свящ. Павла Флоренского. Приложение: Письма С.Н. Дурылина к свящ. Павлу Флоренскому // Сергей Дурылин и его время... С. 200.

ещё неведомый избранник... с русской душой». Мы больше верим Спасовичу¹², чем поэту»¹³.

Поскольку познание совершается путем сравнения, Дурылин в «Судьбе Лермонтова» делает красноречивое «возрастное» сравнение М.Ю. Лермонтова с признанными корифеями мировой литературы: «Умереть двадцати шести лет — это значит быть Данте без «Божественной комедии», быть Гёте без законченной 1-й части и вовсе без 2-й «Фауста», быть Пушкиным без второй половины «Онегина», без маленьких драм и «Медного всадника», Фетом без «Вечерних огней», быть Толстым без «Войны и мира» и всего последующего, быть Достоевским с «Бедными людьми», но без «Преступления и наказания» и «Карамазовых». Это значит — не быть вовсе Данте, Гёте, Пушкиным, Фетом, Толстым, Достоевским. О М.Ю. Лермонтове должно судить в сравнении с двадцатипятилетними же Гёте, Пушкиным, Достоевским, и тогда ни Толстому, ни Достоевскому нечего будет противопоставить своего лермонтовскому «Герою нашего времени»¹⁴.

Дурылин называет Лермонтова «тайным молитвенником... и в жизни, и в поэзии»: молитва поэта творится в стороне от людских глаз. Один из биографов поэта академик Н. Котляревский считал, что Лермонтов «не был никогда религиозным человеком». Сергей Николаевич возражает: «И всё же, правда о нём — то, что увидел заставший его на коленях в церкви товарищ, а не то, что увидели его критики, друзья и враги.<...> Быть может ни у одного из русских поэтов поэзия не является до такой степени молитвой, как у Лермонтова, но эта молитва — тайная.<...> Молитва его стыдлива, она боится, чтоб не нарушили её одиночество, и она *сознательно* скрытна, затаённа, прикровенна»¹⁵ Сергей Николаевич приводит то место из автобиографической поэмы «Сашка», которое, по его мнению, «решает спор о первичной, изначальной религиозности Лермонтова»:

Век наш — век безбожный;
Пожалуй, кто-нибудь, шпион ничтожный
Мои слова прославит, и тогда
Нельзя креститься будет без стыда

¹²В.Д. Спасович (1829–1906) — юрист, специалист в области уголовного права, литературовед, автор статьи «Байронизм у Лермонтова».

¹³Дурылин С.Н. Судьба Лермонтова... С. 1, 3.

¹⁴Там же.

¹⁵Там же. С. 28.

И поневоле станешь лицемерить
Смеясь над тем, чему желал бы верить.

Боязнь «шпиона ничтожного» сделала молитву Лермонтова скрытной, утаённой, как будто не существующей»¹⁶.

В советский период эту мысль исследователь мог высказать только в тех книгах, которые он писал для себя и близких людей, так, например, «В своём углу» в апреле 1926 года он вновь возвращается к этому фрагменту поэмы: «Сашка» <...> явился самую интимную, самую правдивую повестью о подлинном Лермонтове, повестью о лермонтовской душе и вере: там, именно там, в поэме <...> — <...> Лермонтов выдал себя с головой: «Нельзя креститься будет без стыда...»¹⁷. По мнению Дурылина, «это и есть правда о Лермонтове, этот «крест с мощами», и рука, тайно творящая [перед ним] крестное знамение, осуждаемая «веком безбожным», но «ни один исследователь и критик Лермонтова никогда не процитировал этих строк»¹⁸. Сергей Николаевич считал, что «души человеческие пахнут — и запахи эти очень редко бывают, какими хочет ум, чтоб души пахли». По мысли Дурылина, Лермонтов, в отличие от Толстого, — «весь религиозен: религиозный запах его прекрасен». <...> «Строчка Лермонтова — любая: из стихотворений 1838–1841 гг. — для меня религиознее всего Толстого...»¹⁹ «Самым религиозным русским писателем» считал Лермонтова и друг Дурылина, литературный критик и философ П.П. Перцов. «Его поэзия, — утверждал Пётр Петрович, — самая весенняя в нашей литературе и... самая воскресная. Отблеск пасхального утра лежит на этой поэзии, вся «мятежность» которой так полна религиозной уверенности»²⁰. Поэт признавался, что его «тёплой вере опыт хладный противуречит каждый миг...». Но, несмотря на это, в тайниках души он хранил и оберегал своё сокровище — чистое и светлое христианское чувство. Для *умеющих слушать* нездешней музыкой звучит его вера в стихах — молитвах, полных духовного взлёта и самоотречения.

Одним из первых увидел эту реальность в лермонтовской поэзии К.Н. Леонтьев, выдающийся мыслитель XIX века, незадолго до смерти принявший тайный постриг в Оптиной пустыни. Дурылин для подтверждения своих выводов обращается к письму Константина Николаевича с Афона от 16 июля

¹⁶ Там же. С. 28.

¹⁷ Дурылин С.Н. В своём углу... С. 270–271.

¹⁸ Там же. С. 271.

¹⁹ Там же... С. 102, 181.

²⁰ Перцов П.П. Лермонтов // Российский архив. История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв.: альманах. М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2001. [Т. I]. С. 224.

1872, где он писал: «Я очень люблю отыскивать у наших светских поэтов православные христианские мотивы. У Кольцова, у Пушкина их много. Но у Лермонтова больше всех... «Молитва», «Ребёнку», «Ветка Палестины», некоторые места из «...Купца Калашникова», из самого «Демона» могут выдержать самую строгую православную критику и благоухающей поэзией своей могут сделать иному сердцу больше пользы, больше пользы, я говорю, чем многие скучные проповеди»²¹. Весьма показателен в этом отношении лермонтовский шедевр — «Молитва» 1839 года, где «стихи о молитве становятся молитвой в стихах»²².

В минуту жизни трудную,
Теснится ль в сердце грусть,
Одну молитву чудную
Твержу я наизусть.
<...>

С души, как бремя, скатится
Сомненье далеко.
И верится, и плачется,
И так легко, легко!²³

Такие строки могли родиться только у человека, имеющего духовный опыт *личной* горячей молитвы. Можно сказать, что из всех русских поэтов Лермонтов лучше всех понимал значение молитвы, стремясь в «минуту трудную» своей жизни молитвенно прикоснуться к Божественной благодати, непостижимой умом, но понятной сердцу и получить на свой молитвенный порыв небесный отклик: «Лермонтов не только умел смотреть на небо: ему дано чувствовать, что не только он смотрит, но и на него смотрят. Умел, не переставая, из голубой купины, ловить взгляд голубого ока. Если б не было над ним этого взора, он не любил бы и неба...»²⁴ Поэт почти никогда не раскрывался перед читателем, был «целомудренно-замкнутым и девственно-скупым в излияниях веры и чувства», (И.А. Ильин)²⁵ и мы не знаем, какую «молитву чудную твердил он на-

²¹ *Леонтьев К.* Четыре письма с Афона (Письмо 3-е) // Богословский вестник. 1912. Т. 4. № 12. С. 689.

²² *Сурат И.З.* Пушкин как религиозная проблема. С. 207–223.

²³ *Лермонтов М.Ю.* Собрание сочинений: в 4 т. Л.: Наука, 1979–1981. Т. 1. С. 415. Далее цитаты по этому изданию с указанием тома и страниц.

²⁴ *Дурылин С.Н.* Судьба Лермонтова... С. 21.

²⁵ *Ильин И.А.* Россия в русской поэзии // *Одинокий художник: Статьи, речи, лекции.* М.: Искусство, 1993. С. 184.

изусть». Но можно предположить, что это была короткая молитва. Может быть Иисусова молитва («Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя, грешного») или самая известная молитва, данная Господом своим ученикам — «Отче наш», или Песнь Пресвятой Богородице («Богородице Дево, радуйся»). Есть среди лермонтовских молитв одна, особенно задушевная, полная глубокого и сокровенного чувства, «к счастью нашему — не до конца безгласная, — говорит Сергей Николаевич. — Мы один лишь раз услышим, Кому возносится эта молитва, но мы расслышим многие слова, многие вздохания лермонтовской молитвы, прочтя это единственное молитвословие Лермонтова»:²⁶

Я, Матерь Божия, ныне с молитвою
Пред Твоим Образом, ярким сиянием,
Не о спасении, не перед битвою,
Не с благодарностью иль покаянием,
Не за свою молю душу пустынную,
За душу странника в свете безродного.
Но я вручить хочу деву невинную
Тёплой Заступнице мира холодного...
(I, 380)

«Это... — молитва не о себе. Эта молитва — Единой спасающей Жене — о спасении милого Женственного земли, молитва о той, которой когда-то он надеялся спастись сам»²⁷. Поэт просит для «подруги юных дней» *не только земного блага* («Окружи счастьем душу достойную; / Дай ей спутников, полных внимания...»), что напоминает пушкинское: «Как дай вам, Бог, любимой быть другим». Пушкин *заканчивает своё стихотворение* «Я Вас любил» этим пожеланием земной любви. Лермонтов же, *не забывая о «едином на потребу»*, молит о даровании своему «забывчивому, но незабвенному другу» ещё и *вечного блага* — спасения в Вечности! («Ты воспрять пошли к ложу печальному / Лучшего ангела душу прекрасную»). Истинное, живое и глубокое чувство, которое «не ищет своего» (1 Кор 13:4–5) дышит в этой молитве поэта.

Известно, что самое любимое молитвенное вздыхание у русского человека обращено к Богородице. По мнению Дурылина, в «Молитве странника» Лермонтов соединил свою религиозную судьбу с религиозной судьбой русского народа»²⁸. В.О. Ключевский, которого Сергей Николаевич называл в числе

²⁶ Дурылин С.Н. Судьба Лермонтова... С. 29.

²⁷ Там же.

²⁸ Там же. С. 30.

тех немногих, кто «яснее всех... слышал высшие звуки» лермонтовской поэзии, в своей статье, названной им «Грусть», подводит поэзию Лермонтова под уровень светлой грусти («улыбка сквозь слёзы») русского смирения («резиньяции»). Именно смирение, по мысли историка, в нашем национальном характере заменяет земное счастье, а в несчастье переходит в упование на волю Божию: «Поэзия Лермонтова стала художественным выражением того стиха-молитвы, который служит формулой русского религиозного настроения, проникнутого надеждой, но без самоуверенности, а только с верой: да будет воля Твоя. <...> И ни один русский поэт доселе не был способен так глубоко проникнуться этим народным чувством и дать ему художественное выражение, как Лермонтов»²⁹.

Это лермонтовское родство с русским *народным* духом отмечает и Дурылин: «Лермонтов всегда — томление, грусть, порыв, молитва, вся мятежная, грустящая, молящаяся динамика русской души, не ее постоянство, но ее становление, не ее строй, но *взыскание* этого строя. Лермонтов носит в себе и вскрывает собою — пользуясь словом святоотеческого опыта — всю неустроенность русской души...»³⁰

Сравнивая лермонтовские и пушкинские молитвы, Дурылин указывает на их существенное различие: «Величаяя славянская молитва Пушкина «Отцы пустыньники» не молитва вовсе: переложение молитвословия, рассказ о молитве, читаемой [Великим] постом. Пушкин любит передавать молитвы, рассказывать, что читают на молитве. <...> Есть молитвословия, ... есть слова молитв, но нет молитвы. Обратное — Лермонтов. Есть молитва, — и нет молитвословия»³¹.

И философы, и критики, и историки литературы твердили о лермонтовской гордости, о его несмирности, в отличие от смирившегося Пушкина. Зоркий и любящий глаз Дурылина видит *другого* Лермонтова, отказывающегося смущать слабые сердца «тайным ядом страницы знойной», способного на беспощадный самоанализ, на глубокое, но тоже скрытое от посторонних глаз, по-

²⁹ Ключевский В.О. Грусть: Памяти М.Ю. Лермонтова / В.О. Ключевский // Исторические портреты. Деятели исторической мысли. М.: Правда, 1990. С. 446.

³⁰ Дурылин С.Н. Россия и Лермонтов // Христианская мысль. Киев. 1916. Кн. 2 (Февр.) С. 137 С. 138.

³¹ Дурылин С.Н. Судьба Лермонтова... С.29. Ср.: у митрополита Антония Сурожского: «Надо различать две молитвы: *молитву, которая является встречей с Богом, общением с Ним, живым и глубоким соотношением между Богом и нами, и молитвословие, которое может быть молитвой, но, к сожалению, часто остается только словесным упражнением.* Вырваться из молитвословия в молитву или проникнуть в молитвословие настолько глубоко, чтобы в его сердце найти *молитвенность* — одна из основных задач духовной жизни». (Антоний Сурожский, *митр.* Школа молитвы. Клин: Фонд «Христианская жизнь», 2002. С.319)

каянное чувство: «Я не могу себе представить Пушкина с восковой свечкой в руках, исповедующегося перед деревенским попом... и шепчущего молитву Ефрема Сирина не в холодных и... слишком «витийственных» словах знаменитого стихотворения, а попросту, как всех, с тремя земными поклонами: «Господи и Владыко живота моего...» А Лермонтова могу — перед полковым пьяньким попом в походной церкви, под свет воскового огарка, на коленях. <...> Вот такие-то и молятся. <...> На них-то и бывает «крест с мощами», как был на Лермонтове (см. опись оставшихся после его смерти вещей). А крест на Пушкине был ли?³² <...> Вот это «ощущение неповторимого бытия» Лермонтова трудно найти у других исследователей.

Юнкерские поэмы Лермонтова — вечный камень преткновения для исследователей; после суровой критики Вл Соловьёва³³, который рассматривал эти поэмы как проявление демонизма (одержимость «демоном нечистоты»), называя при этом эротическую музу Пушкина «невинно щебечущей ласточкой», лермонтоведы упоминали их только как неудобный факт биографии поэта. И никто, кроме Дурылина, не обратил внимание на то, что у Лермонтова все непристойности *без кощунства*, а у Пушкина — непристойности с кощунством, «с вольтерьянской скверной задевкой религии». По сравнению с пушкинской Гавриилиадой», написанной под впечатлением «растрёпанного тома Парни» (А.Ахматова), юнкерские поэмы Лермонтова — это просто гусарский кураж и дерзкая шалость взрослеющего юноши. Сергей Николаевич первый (и, пожалуй, единственный) заглянул в *суть* лермонтовских и пушкинских вольностей, сделав смелый и неожиданный вывод: «Не только «Гавриилиада» (отвратительное прилежание пушкинистов возвратило её, как дар Немезиды, Пушкину), но и «Христос воскрес, моя Ревекка», «Митрополит хвастун бесстыдный», варианты «Рыцаря бедного» религиозно преступны и кощунственны. В Пушкине есть вольнодумное вольтерьянское похабство развратного барства XVIII в. — отвратительнейшего вида похабства: *похабством задеть Бога*. В Лермонтове — в его «Гошпиталях» и «Уланшах» — какое вольнодумство? какое вольтерьянство? Просто — гусарская «...мать» в рифмах... <...> Что ж, у кого ее не было? Она — у Толстого, у Писемского, у Горбунова, у Лескова была; она — в грехе народа нашего, у всех нас...»³⁴.

³² Дурылин С.Н. В своём углу... С. 270.

³³ Соловьёв В.С. Лермонтов // Философия искусства и литературная критика. М.: Искусство, 1991. С. 379–399.

³⁴ Дурылин С.Н. В своём углу... С. 270.

Дурылин даже видит пользу для молодого идеалиста и мечтателя, каким поэт предстаёт в юношеской лирике, в таком натурализме: «Нет худа без добра: <...> непристойные поэмы остались вне литературы, но необходимость знаться с миром действительности, уметь говорить о нём, находить для этого средства поэтического выражения было прочным приобретением творческой мастерской Лермонтова. На резком переходе от антипода к антиподу, от ранней надмирной романтики к густому натурализму «Гошпиталя» и «Уланши» Лермонтов научился тому удивительному лирическому реализму, который поражает нас в «Бородине», «Завещании», «Валерике»³⁵.

Творчество и личность поэта в «Судьбе Лермонтова» рассматривается Дурылиным в свете учения Платона³⁶ и В. С. Соловьёва о «вечно-женственном». Лермонтов для него «певец голубого, вечной голубой купины неба». 3 января 1914 года Сергей Николаевич пишет письмо о. Павлу Флоренскому, прочитав его книгу «Столп и утверждение истины»³⁷ и найдя для себя в ней «доказательно-опытный, полный ответ» на то, к чему он шёл в своей работе о Лермонтове: «... я читал и изучал Л<ермонто>ва с какою-то двигавшею меня отзываемостью на всё, что в нём восходит к голубому... <...> я пришел к тому, что голубое сияние, «очи, полные лазурного огня», которые смотрели на поэта, и к которым он шел вопреки всей лжи и темноты своего... армейского Богоборчества, есть очи Той, Которую именуем св. Софией. Кто видит голубое сияние так, как видел его Л<ермонтов>, тот должен увидеть и Ту, от Которой это сияние...»³⁸.

Для Дурылина Лермонтов — «мистик Божьей милостью» (Д. Андреев), видимый им сквозь «грубую кору» «тамбовского байронизма», о котором твердят исследователи-позитивисты. У Лермонтова касание *того мира* было действительно испытанными переживаниями, событиями души, *видениями*, кото-

³⁵ Дурылин С.Н. Как работал Лермонтов // Дурылин С.Н. Статьи и исследования 1900–1920 годов. С. 472.

³⁶ Платон (427–347 до Р.Х.) — древнегреческий философ; полагал, что наивысшая любовь есть не что иное, как философия, т.е. «любовь к мудрости» (от греч. φιλία — любовь, и σοφία — мудрость).

³⁷ «София есть истинное Небо; в софийных переживаниях налично восприятие голубизны; следовательно, голубое — естественный символ Софии, а потому и Небо, — символ Софии — является нам голубым» (Флоренский П., свящ. Приложение XXIV [к письму десятому «София»] «Бирюзовое окружение Софии и символика голубого и синего света // Флоренский П., свящ. Столп и утверждение истины. М.: Путь, 1914. С. 565).

³⁸ Половинкин С.М. Письма С. Н. Дурылина к свящ. Павлу Флоренскому // Сергей Дурылин и его время... С. 200.

рые отражаются в его поэзии. «Небо как будто отразило себя во всём, что любил или хотел любить этот человек <...>, — пишет Дурылин. — Какое-то голубое всевидящее женское око смотрит на Лермонтова отовсюду. <...> Всюду и везде, во многих — видел Одну, в разных — Один Взор:

И странная тоска теснит уж грудь мою;
Я думаю об ней, я плачу и люблю,
Люблю мечты моей созданье
С глазами, полными лазурного огня...

Так глубоко–сокровенно было видение Лермонтова, так религиозно–точно мог он сказать о нём...»³⁹ У Лермонтова поразительно это умение уходить от земной реальности к вершинам духа, умение с глубоким душевным покоем вслушиваться в таинственную тишину небесного свода, видеть его так, как видели «странники с чистым сердцем, созерцающие славу Божию» (Н. Лосский⁴⁰). «Над морем, водою, степью, горами, такими всегда синими у Лермонтова, вечно пылает, не сгорая, вечно–голубая горящая купина неба. <...> Должно быть, он долго и много смотрел на небо, потому что в русской поэзии нет другого такого поэта тверди, как Лермонтов. <...> Ни у кого... нет такого живого неба. Оно было у Данте, у средневековых мистиков, у Франциска Ассизского»⁴¹.

Вл. Соловьёв, по мнению Дурылина, «прояснил, приоткрыл нам Лермонтова», потому что он тоже знал «власть над собою *вечно голубого — Лазурного Ока*»⁴².

Владимир Соловьёв, как известно, был самым резким критиком Лермонтова и написал глубоко несправедливые слова⁴³. Он считал, что Лермонтов был одержим тремя демонами: вначале демоном кровожадности, потом демоном нечистоты и на протяжении всей жизни демоном гордости. «Хозяином его внутреннего дома был всегда *демон гордости*»⁴⁴ говорил Соловьёв, и это главное

³⁹ Дурылин С.Н. Судьба Лермонтова... С 17.

⁴⁰ Лосский Н.О. Характер русского народа // Лосский Н.О. Условия абсолютного добра: Основы этики; Характер русского народа. М.: Политиздат, 1991. С. 308. (Б-ка этической мысли).

⁴¹ Дурылин С.Н. Судьба Лермонтова... С.20–22.

⁴² Там же. С. 23.

⁴³ Историк литературы и философ Русского зарубежья Георгий Мейер (1894–1966) назвал лекцию Владимира Соловьёва «изуверской», а самого философа — «настоящим недругом Лермонтова». (Мейер Г. Фаталист. К 150-летию со дня рождения М.Ю. Лермонтова // Фаталист. Зарубежная Россия и Лермонтов. М.: Русский мир, 1999. С. 228–229).

⁴⁴ Соловьёв В.С. Лермонтов // Соловьёв В.С. // Философия искусства и литературная критика. М.: Искусство, 1991. С. 379–399., —

обвинение, которое он предъявлял Лермонтову. Дурылин, отмечая несомненную заслугу Соловьёва в том, что «он первый осознал вопрос о Лермонтове, как вопрос религиозного сознания», называет соловьёвский приговор поэту «страшным увещанием»: «Даже о Печорине были бы несправедливы все эти приговоры. <...> Все знают Печорина смеющегося, глумящегося, и не знают Печорина *плачущего*. А он плакал... Как слез Печорина, не заметили и слёз Лермонтова»⁴⁵.

Соловьёв, упрекая поэта, что он растратил полученный гениальный («сверхчеловеческий») пророческий и поэтический дар в угоду демонам кровожадности, нечистоты и гордыни, видел в лермонтовском Демоне, прежде всего, *идеализированного* дьявола–искусителя, «натянутое и ухищрённое оправдание демонизма».

Дурылин же называет «Демона» «поэмой искупления, поэмой женского мессианизма»: «Спасти женщину, во имя женщины и ради женщины — этим обнимается вся надежда Демона, как и самого Лермонтова в жизни и творчестве»⁴⁶. Кроме того, Сергей Николаевич считал «Демона», «при всей его художественной ценности», незаконченным: «В судьбе лермонтовского «Демона» сказались и религиозная сила, и религиозное бессилие Лермонтова. Сила была в том, что из литературы, из романтического канона, поэт первый в России провалился к высочайшей религиозной проблеме о конечных судьбах Зла и Добра; бессилие — в том, что он и не заметил, *к чему* привела его многолетняя поэма. Он только, смутно понимая, что у него нет власти её закончить, оставил её недовершённой, ибо никогда не считал Лермонтов «Демона» законченным»⁴⁷.

Эта точка зрения Дурылина осталась неизменной и в поздних его исследованиях о Лермонтове. Так, например, в 1948 году в большой работе «Врубель и Лермонтов» (сильно пострадавшей от советской цензуры), сравнивая творческую историю «Демона» М.А. Врубеля и «Демона» М.Ю. Лермонтова, он отмечал: «В своей неустанной работе <поэт> достиг так называемой последней редакции «Демона». Но она оказалась последней только по времени, а не потому, что удовлетворила, наконец, творческую требовательность автора. <...> Литературовед вправе печатать все редакции «Демона», вправе выделить из них *последнюю* как наиболее совершенную, но обязан тут же указать, что той,

⁴⁵ Дурылин С.Н. Судьба Лермонтова... С. 3–4.

⁴⁶ Там же. С. 11–12.

⁴⁷ Там же. С. 12.

действительно *последней*, редакции, под которой стояло бы авторское «fecit», у нас нет...»⁴⁸

Уже первые поэтические опыты юного Лермонтова полны размышлений о Вечности и смерти и пылают «неземным пламенем», который будет присутствовать в его произведениях всю творческую жизнь.

Три ночи я провёл без сна в тоске,
В молитве, на коленях. Степь и небо
Мне были храмом, алтарём — курган.
И если б кости, скрытые под ним,
Пробуждены могли быть человеком,
То обожжённые моей слезой,
Проникнувшей сквозь землю, мертвецы
Вскочили б, загремев одеждой бранной...
(I, 228)

Сергей Николаевич обращал внимание на необычайную серьёзность и таинственную глубину часто ещё литературно несовершенных произведений юного Мишеля Лермонтова, тогда как молодое перо Пушкина–лицеиста отличалось блистательной литературной игривостью. В отличие от А.С. Пушкина «у Лермонтова, даже у мальчика, нет никакой мифологии, никаких Лаис и Амуров: не до них. Он прямо объявляет без всяких Парни, Вольтеров и Лаис, *кто* он и *о чём* его тема:

Моя душа, я помню, с детских лет
Чудесного искала...
(1831 июня 11 дня)

Это заявка на свою собственную «руду». У него за плечами извечная связь с этим чудесным. <...> Лермонтов, мальчик, уже думал свою звёздную думу, уже вмешивался в [непримиримую] борьбу ангелов и демонов, уже решал свою загадку, общую с Платоном и Дантом, загаданную Богом и Небом Земле и человеку...»⁴⁹. «Тёмной Тенью» называет Дурылин те неясные, неуловимые и мучительные видения юного поэта, от которых душа его приходила в смятение и тревогу:

⁴⁸ Дурылин С.Н. Врубель и Лермонтов / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкин. дом). Кн. II. М.: Изд-во АН СССР, 1948. С. 604–605.

⁴⁹ Дурылин С.Н. В своём углу... С. 208, 503.

И звук высоких ощущений,
Он давит голосом страстей,
И муза кротких вдохновений
Страшится неземных очей...
(I, 52)

Дурылин пишет, что «эта подлинность, не литературность, действительная сила лермонтовского демонизма необыкновенно почувствована была Вл. Соловьёвым: он-то знал, что здесь не байронизм, не романтический канон, не ведомства профессоров истории всеобщей литературы, — и в этом причина соловьёвского предсмертного ужаса перед судьбою Лермонтова»⁵⁰. Но не только «Тёмная Тень» являлась поэту, он знал и сокровенные видения ангела, поэтому Сергей Николаевич отказывается признать безоговорочно приговор Вл. Соловьёва.⁵¹ «Он забыл, — пишет Дурылин, — что в тот самый год, когда Лермонтов видел:

По небу голубому пролетал
Однажды демон, —
он видел и иного, пролетавшего по небу:
По небу полуночи ангел летел.

И религиозная судьба Лермонтова не завершилась тем, что его не покинул «гордый демон»: его также не покинул и ангел»⁵².

Два видения посещали поэта, но, «от одного он убежал, — говорит Дурылин, — это было видение демона, а к другому он шёл «высшими звуками» своей поэзии и жизни — это было видение ангела»⁵³. Лермонтову на протяжении всей

⁵⁰ Дурылин С.Н. Судьба Лермонтова... С. 8.

⁵¹ Неприятие оценки Вл. Соловьёва творчества и личности Лермонтова в поздние годы у Дурылина усилилось, что видно из его письма П.П. Перцову от 2 июля 1941 года, где он саркастически сравнивает статью Соловьёва с работами известного *нигилиста* 60-х годов XIX века: «...высоко ценю Вас, как писателя и художника слова. Если б моя воля, к юбилею Лермонтова я первым долгом издал бы Ваши статьи, как лучшее, что о нём написано. (Кстати, перечёл статью о нём Вл. Соловьёва. Какую ерунду он написал! Это Варфоломей Зайцев, обряженный в рясу соборного учёного протопопа!») (С.Н. Дурылин Статьи и исследования 1900–1920 годов / сост. вступ. ст. и коммент. А.И. Резниченко, Т.Н. Резвых. СПб: Владимир Даль, 2014. С. 847).

⁵² Дурылин С.Н. Судьба Лермонтова... С. 8.

⁵³ Там же. С. 6. Ср.: «Человек, в отпадении и ниспадении своём, может ниспасть до бездны греха и скверны, — потерять себя, пасть, — но, пока он жив его alter ego, его истинное Я, Ангел, — бесконечно удалённый от него, всё-таки не удалён до разрыва всяческой связи с ним... Падший

его короткой жизни земные радости и земные песни не могли заменить слышанную им песню ангела, те «звуки небес», которые воплотились в «высшие звуки» его поэзии и «принесли русскому стиху дуновение святости» (И.С. Лукаш⁵⁴). Дурылин писал, что «Ангел — поэтическая теория познания Лермонтова. В проблеме примирения Зла и Добра зашедший на путь Оригена⁵⁵ в своей поэтической теории познания он встретился с Платоном:⁵⁶ он всю жизнь *припоминал* великий мир изначальных сущностей. <...> Он всю жизнь *припоминал* песню ангела, некогда слышанную им...»⁵⁷. Когда Сергей Николаевич пишет о лермонтовском «Ангеле» строгий научный анализ сменяется благоговейным изумлением перед «неизреченной тайной и небесной радостью русской поэзии»: «И остаётся «Ангел» прекрасной падучей звездой, которая, золотая, упала с неба, — на скучную будничную равнину русской литературы, на её «реализм»⁵⁸.

Дурылин, хотя и говорил постоянно, что «Лермонтов — загадка, никому не даётся...», но он с редкой пронизательностью чувствовал «помазанность» поэта на *своё царство*, неделимое ни с кем, в отличие от критиков-позитивистов, которых больше всего «интересует то, в чём Лермонтов не Лермонтов». Позитивистское лермонтоведение, в том числе и советское, как один из её видов, не рассматривало экзистенциальные проблемы лермонтовского творчества. Даже сквозь романтические штампы и идеалистическую выпренность ранней лири-

человек удалил alter ego, но не истребил его, — потерял, именно потерял, — а не истребил себя: потерял, — значит, возможно нахождение Себя...» (Дурылин С.Н. Об ангелах // Статьи и исследования 1900–1920 годов / сост., вступ. Статья и коммент. А.И. Резниченко, Т.Н. Резвых. СПб: Владимир Даль, 2014. С. 540–541).

⁵⁴ Лукаш И.С. «По небу полуночи... // Фаталист... С. 80.

⁵⁵ Ориген (около 185–253) — христианский богослов, ученик Климента Александрийского («О началах», «Против Цельса»). Развил учение о всеобщем восстановлении («восстановлении всего»), согласно которому в конце времён спасается вся тварь, в том числе и демоны... (апокатастасис, др.-греч. ἀποκατάστασις — восстановление). Учение о всеобщем спасении не признается Православной Церковью. Блж. Августин, критически относившийся к учению о всеобщем спасении, не без иронии называл его сторонников «нашими милостивцами», а Оригена — «милостивее других» (Иванов М.С. Апокатастасис // Православная энциклопедия. Т. 3. М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2001. С. 39–46).

⁵⁶ В диалоге «Федон» Платон излагает четыре аргумента в пользу теории бессмертия души. «Аргумент второй: *знание как припоминание* того, что было до рождения человека»: «... Если существует <...> прекрасное и доброе, и другие подобного рода сущности, ... причем ... всё это досталось нам с самого начала, — то с той же необходимостью, с какой есть эти сущности, существует и наша душа, прежде чем мы родимся на свет...» (Платон. Федон. Эхекрат, Федон / пер. С.П. Маркиша // Платон. Собрание сочинений в 4 т. Т. 2. М.: Мысль, 1993. С. 73–78).

⁵⁷ Дурылин С.Н. Судьба Лермонтова. С. 13–14.

⁵⁸ Дурылин С.Н. В своём углу... С.406.

ки поэта чувствуется весьма сложное взаимодействие жизни и поэзии, в которой пылает «неземной пламень», освещающий драму молодой души: страдание и одиночество, напряженность и сосредоточенность на вечных вопросах.

Разве могут историки литературы, препарирующие и расчленяющие прощескую поэзию Лермонтова на литературоведческом столе, объяснить «то, что одно стоило бы объяснить: *чудо творчества*», объяснить Лермонтова, который есть — «самая глубокая, самая прекрасная тайна, которой *оттаинствована* свыше русская поэзия»⁵⁹, — размышляет Сергей Николаевич при чтении юбилейного сборника «Венок Лермонтову» (М; Пг., 1914). Поэтому он считал, что «о Лермонтове самое умное и самое верное, во всяком случае, *самое замечательное*, сказали те, кто не получал чинов и наград по печальному ведомству истории литературы: В.В. Розанов, В.О. Ключевский, К. Н. Леонтьев, Вл. Соловьёв, П.П. Перцов, Ю. Н. Говоруха-Отрок»⁶⁰. Эти мыслители внесли уникальный вклад в философское литературоведение, потому что рассматривали сущность и основные особенности личности М.Ю. Лермонтова и его произведений в религиозно-нравственном освещении его христианского мировоззрения.

Огромна заслуга Дурылина в изучении творческой лаборатории поэта («технологии писательства»), в строгом разграничении юношеской лирики (1828–1836) и зрелого периода (1837–1841). Его книга «Как работал Лермонтов», вышедшая в 1934 году и переизданная только в 2014, не утратила своего научного значения по сей день.

Исследователи много говорили во времена Дурылина и говорят сейчас о лермонтовских заимствованиях у своих предшественников, о самоповторениях, о подражательном характере юношеской лирики Лермонтова. Сергей Николаевич видит причину таких оценок в том, что «недостаточно понято место, которое занимают эти заимствования и подражания...». Он подчёркивает, что «эта лирика — *дневник*, ... почти подневная запись мыслей, чувств и настроений поэта; как запись дневника, каждая страничка этой лирики искренна и непосредственна... Никто, ведя дневник, не отделяет своих записей, ... не выискивает для них совершенства формы... Именно так пишет стихи юноша Лермонтов: как записалось, так и написалось»⁶¹. Это подтверждает и творческая история

⁵⁹ Там же. С. 182.

⁶⁰ Дурылин С.Н. В своём углу... С. 423. Свою мысль Дурылин заканчивает так: «...а, прочтя, например, академика Н. Котляревского, сам Лермонтов сказал бы, вероятно, что у них в Чембаре учитель уездного училища пишет не хуже».

⁶¹ Дурылин С.Н. Как работал Лермонтов... С. 466–467.

трех стихотворных шедевров юного поэта («Парус», «Нищий», «Ангел»), тексты которых он не подвергал значительным исправлениям.

Дурылин предостерегает от *общей оценки* лермонтовского творчества, вместе с той большой частью ранних произведений, которые сам поэт не предназначал к печати (им были отвергнуты даже такие шедевры, как «Нищий» и «Парус»), и современникам она была неизвестна. Всё написанное в зрелые годы, поэт оценивал уже не так строго и напечатал около половины (40,4%) произведений. Сергей Николаевич говорит о необходимости рассматривать юношеское творчество «как сплошной черновик, порванный автором и лишь случайно уцелевший от огня». Именно так рассматривал своё раннее творчество сам поэт. «Это трудно усваивается не только читателем, но даже и исследователем, — пишет Дурылин, — но усвоить это корзинно-мусорное, с точки зрения самого Лермонтова, происхождение его собрания сочинений чрезвычайно важно для правильного подхода к писательскому труду Лермонтова <...>. Кто усвоит сказанное, тот легко поймёт роль отбора, значение писательского самосуда в работе Лермонтова»⁶². В «домашней мастерской», хоронясь от посторонних глаз, поэт усидчиво и настойчиво «учился стихотворной речи, её ритму, мелодии, строфическому строению. <...> *Всё*, что поэт *сам* хотел видеть в руках читателя, — ничтожная часть: 37 стихотворений из 401 (9,2%), 3 поэмы из 30 (10%). <...> Цифры эти устанавливают закон писательского труда Лермонтова»⁶³.

Дурылин был одним из первых, кто заговорил о таком лермонтовском феномене, как его редкой взыскательности к своему творчеству. Из воспоминаний современников известно, что Михаил Юрьевич очень долго противился публикации своих произведений. Когда родственник поэта Н.Д. Юрьев «после тщетных стараний уговорить Мишеля печатать свои стихи передал, тихонько от него, поэму «Хаджи Абрек» Сенковскому, и она... появилась... в «Библиотеке для чтения»⁶⁴, Лермонтов был взбешён...»⁶⁵ «Бородино» стало первым произведением, которое он опубликовал *по своей воле* и под своим именем. К этому времени Россия знала М.Ю. Лермонтова только как автора неопубликованного стихотворения «Смерть поэта», хотя им было написано уже более трёхсот произведений.

Поэт не спешил и дождался наступления совершенной зрелости своего дара. Для него были характерны, по выражению Юрия Фельзена, «благородная

⁶²Там же. С. 463.

⁶³Там же. С. 465.

⁶⁴1835. № 8. Отд. I. С. 81–94.

⁶⁵М.Ю. Лермонтов в воспоминаниях современников. М.: Худож. лит., 1989. С. 42.

медлительность и брезгливое нежелание «выскакивать», чтобы блеснуть умом и талантом»⁶⁶. Для первого своего стихотворного сборника, вышедшего в 1840 году, Лермонтов отобрал *две поэмы из тридцати и всего двадцать шесть из четырёхсот стихотворений*. В.В. Розанов назвал этот прижизненный сборник поэта «*вещим томиком*», *золотым нашим Евангелищем, Евангелищем русской литературы*», которое «красотой и глубиной заливает Пушкина»⁶⁷.

Лермонтов сам редактировал две свои первые книги. «*Редактором* самого себя Лермонтов оказался исключительно строгим, — пишет Сергей Николаевич. — То, что он *сам* предложил своему читателю, по безукоризненности выбора, по строго художественной выдержанности не может сравниться с тем, что считали возможным предлагать своему читателю даже Пушкин, Гоголь, Тургенев, Достоевский, не говоря уже о Некрасове. Пушкин явился в печати с ученическими подражательными стихами, избличавшими влияние Державина, Жуковского, Батюшкова, французских поэтов XVIII века, он начал с «пробы пера», — Лермонтов дебютировал «Бородиным» и «Песней о Калашникове»; иначе сказать, Пушкин дал просочиться в литературу всей своей отроческой лирике <...> — Лермонтов забраковал её всю, сделав единственное исключение для «Ангела». <...> Так вступал в литературу один только Лев Толстой. Но Лермонтов, так начав своё публичное писательство, так и продолжал его до конца, что не удалось Толстому: до смерти он не напечатал ни одной слабой вещи, неизменно покоряясь «своему высшему суду»⁶⁸.

Такой выдающийся результат литературной работы Лермонтова стал возможен, по мнению Дурылина, благодаря «беспримерному затворничеству–ученичеству, десятилетнему искусству, техническому накоплению сил, трудовому наращиванию мастерства»⁶⁹. <...> Работа поэта «была настолько продуктивна, что в зрелые годы он просто воспользовался её результатами, совершенствуя и углубляя старые достижения. <...> Лермонтов на деле являет драгоценные примеры усидчивого труда над рукописями, обладает своей технологией писательства и может дать важные уроки писательского ремесла и мастерства»⁷⁰.

⁶⁶ Фельзен Ю. Из «Писем о Лермонтове» // Фаталист... С. 49.

⁶⁷ Розанов В.В. О Лермонтове // Розанов В.В. О писательстве и писателях. М.: Республика, 1995. С. 642.

⁶⁸ Дурылин С.Н. Как работал Лермонтов... С. 463—464.

⁶⁹ Там же. С. 465.

⁷⁰ Там же. С. 462.

Дурылин выделяет «три особенности лирического творчества Лермонтова: 1) все его стихи — всегда стихи «на случай», как того требовал Гёте⁷¹ от поэта: под ними всегда таится подлинное происшествие его внутренней или внешней жизни; 2) материал действительности он всегда втягивает в себя, в сказание о себе самом; 3) этот процесс — писательская работа — не требует никаких особых условий времени, места и бытовых удобств. Поэтому у Лермонтова очень редок пространственный или временной перерыв между «зачатием» лирического стихотворения и его «рождением»⁷².

Многие исследователи обращали внимание на звуковую сторону речи Лермонтова, отмечали музыкальность его стиха, которая достигается богатством размеров и ритмов. При этом В.М. Фишер всё-таки отмечает, что Лермонтов «решительно превосходя Байрона и Гейне в разнообразии поэтических форм, мало чем уступал Пушкину»⁷³. Дурылин в обстоятельной и глубокой рецензии на Полное собрание сочинений М.Ю. Лермонтова⁷⁴ обращал внимание на «неизвинительные ошибки и промахи» редактора в этом академическом издании, тем не менее, сделавшего вывод, что «в стихосложении Лермонтова не видно каких-либо существенных нововведений»⁷⁵. К грубым ошибкам редактора, по мнению Сергея Николаевича, привели небрежность и «невнимание к поэтике и метрике Лермонтова».

Останавливаясь подробно на поэтике Лермонтова, Дурылин приходит к выводу, что он несравненно богаче Пушкина стихотворными размерами и их комбинациями: «В области метрики Лермонтов... сумел пойти дальше Пушкина: его стихотворные размеры, построение строф, цезуры, некоторые приёмы рифмовки разнообразнее, сложнее и новее, чем у Пушкина. Пушкин остался навсегда поэтом двудольных размеров: хорейя и особенно ямба; трёхдольные раз-

⁷¹ «Все мои стихи — стихотворения по поводу (на случай); они возбуждены действительно и потому имеют под собой почву. Стихотворения с ветру я ставлю ни во что». (Разговоры Гёте, собранные Эккерманом). Цитата по книге: *Маймин Е.А.* Философская поэзия Пушкина и Любомудров: (К различию художественных методов) // Пушкин: Исследования и материалы / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкин. дом). Т. 6. Реализм Пушкина и литература его времени. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1969. С. 109.

⁷² Дурылин С.Н. Как работал Лермонтов... С. 452.

⁷³ Фишер В.М. Поэтика Лермонтова // Венюк М.Ю. Лермонтову: Юбилейный сборник. М.; Пг.: Изд. т-ва «В.В. Думнов, наследники бр. Салаевых», 1914. С. 236.

⁷⁴ М.Ю. Лермонтов. Полное собрание сочинений. В 5 т. / под ред. Д.И. Абрамовича. СПб, 1910–1913.

⁷⁵ Дурылин С.Н. Академический Лермонтов и лермонтовская поэтика // Дурылин С.Н. Статьи и исследования 1900–1920 годов. 2014. С. 333.

меры, особенно дактиль и ещё более анапест, остались ему навсегда чужды... <...> Наоборот, лирика Лермонтова богата опытами такого рода. В тесные пределы ямба Лермонтов вносит много живого разнообразия, прибегая к комбинациям <...> Он великолепный гармонизатор и инструментатор стиха: тайнами ассонансов, консонансов, внутренних рифм, enjambement⁷⁶, аллитераций он владеет, как редко кто из русских поэтов. Лермонтов учился писать сжато, ёмко, точно — и вместе лирически-волнительно...»⁷⁷

Сергей Николаевич показывает на примере «Утёса» «великолепный, любимый, Лермонтовский, *впервые введённый* в русскую поэзию пятистопный хорей, неведомый лирике Пушкина, где каждый стих закончен, уплотнён, округлен в смысловом отношении. Первая строфа — сама гармония и спокойствие ликующее.

Ночевала тучка золотая
На груди утёса-великана;
Утром в путь она умчалась рано,
По лазури весело играя

<...> Но вот вторая часть: — об утёсе, старом, сумрачном, одиноком. Лермонтов всё это — старость, сумрачность, одиночество, передаёт двойным enjambement двух средних стихов, звучащих болью разрыва, воплем диссонанса, разрешаемым в тихую скорбь и покорность последнего стиха».

Но остался влажный след в морщине
Старого утёса. Одиноко
Он стоит, задумался глубоко
И тихонько плачет он в пустыне

«В Лермонтове музыка русской поэзии усложнилась, встревожилась, *ополнозвучилась*»⁷⁸.

Мы привыкли к утверждению, что Пушкин — основоположник современного русского языка, ставшим своеобразным филологическим канонem. Но даже не слишком пристальный взгляд подметит, что у нашего первого поэта лирика «густеет» архаическими и мифологическими словами. «У Лермонтова, —

⁷⁶Enjambement (фр) — перенос (в стихосложении).

⁷⁷Дурылин С.Н. Как работал Лермонтов... С. 468, 487.

⁷⁸Дурылин С.Н. В своём углу... С. 269.

пишет Дурылин, — всюду звучит чистая русская речь, без налёта славянской книжности и... мифологических элементов»⁷⁹.

Сергей Николаевич внёс серьёзный вклад в развитие жанра классического комментария. В 1940 году была издана его книга о романе М.Ю. Лермонтова «Герой нашего времени», состоящая из двух частей. В первую он включил отдельные статьи о романе и его героях: «Кавказ и кавказцы в романе Лермонтова», «Печорин», «Максим Максимович» и другие. Вторая часть представляет собой свод объяснений: справки и заметки исторического, географического, этнографического, историко-литературного и биографического содержания. Подробные комментарии Дурылина содержат такие ценные сведения о Кавказе, весьма важные для понимания романа, которые на тот период не встречались ни в одной книге о Лермонтове. Несмотря на то, что в 70-х годах XX века несколько раз был издан комментарий В.А. Мануйлова к лермонтовскому роману, а книга Сергея Николаевича оказалась незаслуженно забытой, она остается до сих пор самым полным комментарием к «Герою нашего времени», не потеряв своего значения и в наши дни. Ставшие в конце XX века библиографической редкостью, комментарии С.Н. Дурылина были переизданы в 2006 году, через 66 лет после первого издания⁸⁰.

Всеми признано, что «Герой нашего времени» — *первый* русский психологический роман, тем не менее, в исследованиях часто утверждается, что русская проза вышла из «Шинели» Н.В. Гоголя и повестей Пушкина. Сергей Николаевич в комментариях указывает на ошибочность такого мнения: «Хотя Тургенев и Достоевский считали себя учениками Пушкина, но по психологическому характеру творчества их романы и повести теснее примыкают к «Герою нашего времени», чем к повестям Пушкина. Особенно близка здесь связь с Лермонтовым у Л.Н. Толстого: его «история души человеческой» в трёх фазах её развития: детство, отрочества, юность, была бы невозможна в русской литературе до появления лермонтовского психологического романа»⁸¹.

Более ярко эту же мысль Дурылин высказывает в дневнике 18 января 1928 года: «Достоевского» в Лермонтове невозможно не почувствовать: чего стоит

⁷⁹ Дурылин С.Н. Как работал Лермонтов... С. 495.

⁸⁰ Дурылин С.Н. «Герой нашего времени» М.Ю. Лермонтова. Комментарии. 2-е изд., доп. / подгот. А.А. Аникиным. М.: Мультиратура, 2006. 296 с. (Серия «Классический комментарий»)

⁸¹ Дурылин С.Н. «Герой нашего времени» М.Ю. Лермонтова. Комментарии... С. 25.

один «Лугин» и Ставрогин — тот же Печорин: «сила непомерная» Печорина, чувствуемая им в себе, — вся и та же совершенно в Ставрогине. До мелочей то же...»⁸² Но при всей своей, «до мелочей», похожести на лермонтовского героя, Ставрогин развращённое и страшнее («пошёл дальше Печорина»). Сергей Николаевич приходит к выводу, что «Достоевский» в Лермонтове живи [он] до 40 лет, был бы *целостней, прекрасней, совершеннее того Д[остоевско]го*, который жил отдельно в 60–70-е гг.»⁸³ Еще в 1914 году Дурылин отмечал, что «быть может, самое страшное в судьбе Лермонтова было то, что смерть не дала ему написать *своих* «Братьев Карамазовых» с благодатно разрешающим скорби и борения старцем Зосимою...»⁸⁴ Через 14 лет в томской ссылке он записывает: «Повторяю, не могу не повторять, *не могу не думать*: в 1864 году — на пороге «Преступления и наказания» — Лермонтову было бы всего-навсего 50 лет!...»⁸⁵

Работая в советские годы в жестких идеологических рамках, Сергей Николаевич не всегда мог быть искренним в своих исследованиях о Лермонтове. Обильно цитируя В.Г. Белинского, Н.А. Добролюбова, Н.Г. Чернышевского в издаваемых книгах, в это же время в своём потаённом дневнике он их остроумно называет «семинаристами русской литературы». Ни разу не мог Дурылин сослаться на К.Н. Леонтьева, В.В. Розанова, В.О. Ключевского, П.П. Перцова, которых любил и уважал, а их работы ценил очень высоко. Это была его драма, которая ясно видна из письма Сергея Николаевича к своему другу П.П. Перцову о книге, изданной в серии «Великие русские люди»⁸⁶, и из оставшихся в архиве Дурылина набросков *планируемых* им исследований о Лермонтове: «Милый Петр Петрович! Вот Лермонтов, который никак не мог достичь до Вас в течение двух месяцев. <...> Порадуйте меня, напишите несколько слов о «Лермонтове». Вы поймете, конечно, что тема ЛЕРМОНТОВ во всей своей глубине и полноте не может втиснуться в книжку, изданную «Молодая гвардия»...»⁸⁷

Следует отметить, что книга о Лермонтове для серии «Великие русские люди» была заказана Сергею Николаевичу издательством «Молодая гвардия» в годы Великой Отечественной войны. М.Ю. Лермонтов, истинный патриот свое-

⁸² Дурылин С.Н. В своём углу... С. 531.

⁸³ Там же. С. 531.

⁸⁴ Дурылин С.Н. Судьба Лермонтова... С. 5.

⁸⁵ Дурылин С.Н. В своём углу... С. 531.

⁸⁶ Дурылин С.Н. Михаил Юрьевич Лермонтов. М.: Молодая гвардия, 1944. (Серия «Великие русские люди»).

⁸⁷ Резниченко А. Сергей Дурылин: проекты и наброски (к реконструкции ландшафта). Приложения: III. «Демоны поэтов». «Лермонтов» и проекты «Московского сборника» // Сергей Дурылин и его время... С. 464.

го Отечества, оказался особенно необходим в этот тяжёлый период. Строки из его знаменитого стихотворения «Бородино» читали по радио, цитировали в газетах и фронтовых листках. Зимой 1941 года, когда враг стоял у ворот русской столицы, фронтовая газета «Уничтожим врага!» вышла с призывом на первой полосе: «Ребята, не Москва ль за нами!» Произведения великого поэта звучали, воистину, «как колокол на башне вечевой, во дни торжеств и бед народных».

Нельзя без сожаления читать наброски неосуществлённых работ Дурылина⁸⁸. Если бы его замыслы воплотились, мы имели бы редкие по глубине и охвату тем исследования о Лермонтове.

Дурылин не только основательный, серьёзный учёный, но и «прирожденный лирик с умом и чутким сердцем» (М.В. Нестеров), поэтому для его работ характерен ясный, ёмкий, образный, живой, не перегруженный наукообразными терминами язык, который делает книги Дурылина привлекательными не только для филологов. Событием в истории русской литературы и философской мысли стало издание в 2006 г. его дневников «В своём углу», высоко оценённых специалистами, сравнивающих их с «Опавшими листьями» В.В. Розанова и «Мыслями» Паскаля. В этих потаённых записках, Сергей Николаевич с горькой печалью размышляет о том, что «высшие звуки» Лермонтова остановила пуля Мартынова. Его взгляд на *роковую* для русской словесности утрату совпадает с точкой зрения В.В. Розанова, который считал «час смерти Лермонтова сиротством России»⁸⁹: «Сторожевой демон» русской литературы верно направил глупый выстрел в сердце 26-летнего поэта, — чтобы «чудесного» не «искали», ни он, ни те, кого он мог научить этому исканию, кто искал бы вслед за ним... И появились книги без «чудесного»: «Мёртвые души», «Губернские очерки», «Обломовы» — и задушили Россию. (Благовещенье. 1926 г. Утро. Солнце. Звон в форточку)»⁹⁰. Через полгода он снова возвращается к этой теме: «Демоны метят верно в того, в кого им нужно попасть наверняка. <...> По Лермонтову

⁸⁸[Наброски исследований] (1917?): ДЕМОНЫ ПОЭТОВ: Пушкин. — Лермонтов. — Гоголь. — Тютчев. — Фет. — К. Леонтьев. — Достоевский; ЛЕРМОНТОВ: Основа биографии. — Голубая купина. — Россия и Лермонтов. — Звездная повесть. — Слово Лермонтова. — Пралиризм? и ангелы. — Демон. Прил.: Розанов и Лермонтов. — Лирика. — К истории «Демона» (Резниченко А.И. Сергей Дурылин: проекты и наброски (к реконструкции ландшафта). Приложение 2. Демоны поэтов. Лермонтов. [Наброски исследований] (1917?) // Сергей Дурылин и его время... — С. 481).

⁸⁹Розанов В.В. О Лермонтове // Розанов В.В. О писательстве и писателях. М.: Республика, 1995. С. 643.

⁹⁰Дурылин С.Н. В своём углу... С. 209.

должен был бы быть вечный траур в русской литературе, ежедневная панихида»⁹¹.

«Великие души имеют особенное преимущество понимать друг друга, — писал М.Ю. Лермонтов в неоконченном романе «Вадим», — они читают в сердце подобных себе, как в книге, им давно знакомой; у них есть приметы, им одним известные и темные для толпы...» (IV, 18) Дневниковые записи Дурылина свидетельствуют о глубоком понимании и интенсивности переживания им личности и творчества поэта, о необычной, редкой яркости мыслей о нём: «Я всё думаю о Лермонтове, — нет, не думаю, а как-то живёт он во мне. В Муранове я видел его портрет — ребёнком... И, смотря на него, веришь, что глаза Лермонтова, которым имя Грусть, у ребёнка и у взрослого человека остались те же, — те самые, что видели — По небу полуночи ангел летел... Ни у одного из русских поэтов нет таких глаз. И откуда им быть?»⁹² <...> «...то, что я видел Льва Толстого, это не так уж важно, поменялся бы охотно с тем, кто знал денщика Лермонтова»⁹³. <...> «Что же бы ты хотел? Увидеть Лермонтова, узнать конец «Сказки для детей»⁹⁴ <...> «Я бы Лермонтова там сразу узнал и ничему бы не удивился...»⁹⁵

Конечно, такие проникновенные слова в научном исследовании невозможны, поэтому Дурылин пишет их в дневнике, но они красноречиво передают дурылинское «ощущение неповторимого бытия» Лермонтова и то «избирательное сродство», которые для Сергея Николаевича были основными ориентирами в его постижении русского гения, что делает его уникальным исследователем Лермонтова.

Работы С.Н. Дурылина о Лермонтове можно условно разделить на два периода: первый — с 1912 г. по 1917 г. и второй — с 1934 г. (возвращение из второй ссылки) по 1954 (год смерти учёного). Для раннего периода характерны работы, раскрывающие антропологическую и онтологическую сущность лермонтовского творчества. В них Дурылин сумел увидеть за «шумной биографией» поэта его «тихую»⁹⁶, тайно молящуюся душу, погружённую в «голубую купину небес»,

⁹¹ Там же. С. 322–323.

⁹² Там же. С. 160.

⁹³ Там же. С. 350.

⁹⁴ Там же. С. 356.

⁹⁵ Там же. С. 500.

⁹⁶ «...Лермонтов — чья биография так шумна, а душа так тиха...» (Дурылин С.Н. В своём углу... С. 697).

способную на глубокое покаянное чувство⁹⁷. В исследованиях второго периода в центре внимания Сергея Николаевича поэта Лермонтова, его творческая лаборатория, в которой великий поэт, «неизменно покоряясь своему высшему суду», из материала юношеской лирики создавал «классически образцовые сочинения», «доведённые до совершенства», при этом явля «независимость своего творчества от всяких *внешних* условий своего писательского труда»⁹⁸.

Приложение

Библиография

опубликованных работ С.Н. Дурылина о М.Ю. Лермонтове (1914–2014)

1. *Дурылин С.Н.* М.Ю. Лермонтов // *Лермонтов М.Ю.* Лирические стихотворения / ред. и прим. С.Н. Дурылина. М.: Универсальная библиотека, 1914. С. 5—24. (2-е изд. — 1916. — 3-е изд. — 1917)⁹⁹
2. *Дурылин С.Н.* Лермонтов и его «Демон» // *Лермонтов М.Ю.* Поэмы / ред. и прим. С.Н. Дурылина. М.: Универсальная библиотека, 1914. С. 183–184. (2-е изд. — 1916).
3. *Дурылин С.Н.* Судьба Лермонтова // *Русская мысль.* 1914. № 10 (окт) — II отд. С.1–30. (2-е изд. см. № 35).
4. *Дурылин С.Н.* Россия и Лермонтов. (К изучению религиозных истоков русской поэзии) // *Христианская мысль.* 1916. Кн. 2 (Февраль). С. 137–150; Кн. 3 (Март). С. 114–128.
5. *Дурылин С.Н.* Академический Лермонтов и лермонтовская поэтика (М.Ю. Лермонтов. Полное собрание сочинений: в 5 т. / под ред. Д.И. Абрамовича. СПб., 1910–1913) // *Труды и дни.* 1916. № 8. С. 98–134. (2-е изд. см. № 34).

⁹⁷ «...Философы и профессора, разные „ологи“, смотрят в колодезь в увеличительное стекло, освещают внутренность сруба электрическими фонарями, что-то измеряют, с чем-то сравнивают — и ничего не видят» (*Дурылин С.Н.* В своём углу... С. 336).

⁹⁸ *Дурылин С.Н.* Как работал Лермонтов... С. 451.

⁹⁹ Библиография работ Дурылина, опубликованных с 1914 по 1977 гг. составлена на основе изданий: 1. Литература о жизни и творчестве М.Ю. Лермонтова. Библиографический указатель. 1825–1916 / сост. О.В.Миллер; под ред. Г.В.Бахаревой и В.Э.Вацуру; Б-ка АН СССР; Ин-т рус. лит. (Пушкин. дом). Л., 1990. 346 с.; 2. Библиография литературы о М.Ю. Лермонтове. (1917—1977) / сост. О.В. Миллер; Б-ка АН СССР; Ин-т рус. лит. (Пушкин. дом). Л.: Наука, 1980. 516 с.

6. *Дурылин С.Н.* Как работал Лермонтов. М.: Мир, 1934. (Серия «Как работали классики». Вып. 4. / ред. Д.Д. Благой). 128 с. (2-е изд. см. № 33).
7. *Дурылин С.Н.* Новый «Маскарад». (О первой редакции драмы «Маскарад» в 4-м томе собрания сочинений М.Ю. Лермонтова в изд-ве «Academia») // Театральная декада. 1935. № 21. С. 14. (подпись: *Театрал*).
8. *Дурылин С.Н.* «Маскарад» Лермонтова // «Маскарад». Драма Лермонтова. Статьи и материалы к спектаклю «Маскарад» в Большом Советском театре. Воронеж, 1936. С. 5–12.
9. *Дурылин С.Н.* «Маскарад» Лермонтова в Воронежском театре // Советское искусство. 1938. — 22 июля.
10. *Виноградов Г., Дурылин С.* Лермонтов в устах народа. Фольклорные интерпретации произведений Лермонтова // Огонек. 1939. № 36. С. 20.
11. *Дурылин С.Н.* Великие современники. [М. Ю. Лермонтов и П. С. Мочалов] // Советское искусство. 1939. — 14 окт.
12. *Дурылин С.Н.* Лермонтов-драматург // Декада московских зрелищ. 1939. № 29. С. 4–5.
13. *Дурылин С.Н.* Мотивы драматургии Лермонтова // Театр. 1939. № 10. С. 15–30.
14. *Дурылин С.Н.* Настоящий Лермонтов. [Лермонтов глазами современников] // Лит. газ. 1939. — 15 окт.
15. *Дурылин С.Н.* «Маскарад» Лермонтова в Воронежском театре // Сов. искусство. 1939. — 22 июля.
16. *Дурылин С.Н.* Мятежная лира. [М. Ю. Лермонтов] // Огонек. 1939. № 25–26. С. 10–12.
17. *Дурылин С.Н.* Лермонтовский спектакль. (В Центральном театре Наркомфлота СССР) // Декада московских зрелищ. 1940. № 10. С. 5. (подпись: *С. Николаев*).
18. *Дурылин С.Н.* «Герой нашего времени» М.Ю. Лермонтова: [пособие к изучению романа]. М.: Учпедгиз, 1940. 256 с., ил.

19. *Дурылин С.Н.* Лермонтовский спектакль. [Княжна Мери] в Центральном театре Морского флота СССР // Вечерняя Москва. 1940. 21 марта.
20. *Дурылин С.Н.* Лермонтов-драматург // Литература в школе. 1941. № 4. С. 33–47.
21. *Дурылин С.Н.* Лермонтов и романтический театр // «Маскарад» Лермонтова: сб. статей. М.–Л.: изд-во ВТО, 1941. С. 15–42.
22. *Дурылин С.Н.* На путях к реализму. [Эволюция творческого метода Лермонтова] // Жизнь и творчество М.Ю. Лермонтова. Сб. 1. Исследования и материалы / АН СССР. Ин-т мировой лит. М.: ОГИЗ; Гослитиздат, 1941. С. 163–250.
23. *Дурылин С.Н.* Героическая поэзия. К 100-летию со дня смерти М.Ю. Лермонтова // Октябрь. 1941. № 7–8. С. 112–119.
24. *Дурылин С.Н.* Идея и образ Родины в русской литературе (От Лермонтова до Гоголя) // Октябрь. 1942. № 3–4. С. 162–167;
25. *Лермонтов М.Ю.* Избранное / подг. текста и вступ. ст. С.Н. Дурылина; под ред. А.М. Егорова и др. М.: Гослитиздат, 1942.
26. *Дурылин С.Н.* Лермонтовский спектакль. (Сценическая композиция В.В. Фотиева по повести М.Ю. Лермонтова «Герой нашего времени» в Московском новом театре) // Правда. 1944. 29 апр.
27. *Дурылин С.Н.* Лермонтов. К 130-летию со дня рождения // Литература и искусство. 1944. 14 окт.; Вечерняя Москва. 1944. 14 окт.
28. *Дурылин С.Н.* Михаил Юрьевич Лермонтов. М.: Молодая гвардия, 1944. 160 с. (Серия «Великие русские люди»).
29. *Дурылин С.Н.* Врубель и Лермонтов // М.Ю. Лермонтов / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкин. дом). М.: Изд-во АН СССР, 1948. Кн. II. С. 541–622. (Лит. наследство; Т. 45 / 46)
30. *Дурылин С.Н.* Лермонтов и его «Герой нашего времени» // Герой нашего времени. Детгиз, 1957. С. 3–16.

31. *Дурылин С.Н.* В своём углу / сост. и прим. В.Н. Тороповой; предисл. Г.Е. Померанцевой. М.: Молодая гвардия, 2006. 879 с.: ил. (Биб-ка мемуаров: Близкое прошлое; Вып. 21).
32. *Дурылин С.Н.* «Герой нашего времени» М.Ю. Лермонтова. Комментарии. 2-е изд., доп. / подгот. А.А. Аникиным. М.: Мультиратура, 2006. 296 с. (Серия «Классический комментарий»).
33. *Дурылин С.Н.* Как работал Лермонтов // *Лермонтов М.Ю.* Собрание сочинений: в 3 т. Т. 3. М.: Изд-во журнала «Москва», 2014. С. 448–568.
34. *Дурылин С.Н.* Академический Лермонтов и лермонтовская поэтика // *Дурылин С.Н.* Статьи и исследования 1900–1920 годов / сост. вступ. ст. и коммент. А.И. Резниченко, Т.Н. Резвых. СПб.: Владимир Даль, 2014. С. 302–333.
35. *Дурылин С.Н.* Судьба Лермонтова // *Дурылин С.Н.* Статьи и исследования 1900–1920 годов / сост. вступ. ст. и коммент. А.И. Резниченко, Т.Н. Резвых. СПб.: Владимир Даль, 2014. С. 272–301.

Источники и литература

1. *Антоний Сурожский, митр.* Школа молитвы. Клин: Фонд «Христианская жизнь», 2002. 494 с.
2. *Дурылин С.Н.* В своём углу / сост. и прим. В.Н. Тороповой; предисл. Г.Е. Померанцевой. М.: Молодая гвардия, 2006. 879 с.: ил. (Биб-ка мемуаров: Близкое прошлое; Вып. 21).
3. *Дурылин С.Н.* Судьба Лермонтова // *Русская мысль.* 1914. № 10 (окт) II отд. С. 1–30.
4. *Дурылин С.Н.* Врубель и Лермонтов // *М.Ю. Лермонтов / АН СССР.* Ин-т рус. лит. (Пушкин. дом). М.: Изд-во АН СССР, 1948. Кн. II. С. 541–622. (Лит. наследство; Т. 45 / 46)
5. *Дурылин С.Н.* Об ангелах // *Статьи и исследования 1900–1920 годов / сост., вступ. Статья и коммент. А.И. Резниченко, Т.Н. Резвых.* СПб.: Владимир Даль, 2014. С. 539–543.
6. *Дурылин С.Н.* Как работал Лермонтов // *Собрание сочинений: в 3 т. Т. 3.* М.: Изд-во журнала «Москва», 2014. С. 448–568.

7. *Дурылин С.Н.* Россия и Лермонтов. (К изучению религиозных истоков русской поэзии) // *Христианская мысль*. 1916. Кн. 2 (Февраль). С. 137–150.
8. *Дурылин С.Н.* «Герой нашего времени» М.Ю. Лермонтова. Комментарии. 2-е изд., доп. / подгот. А.А. Аникиным. М.: Мультиратура, 2006. 296 с. (Серия «Классический комментарий»).
9. *Дурылин С.Н.* Академический Лермонтов и лермонтовская поэтика // *Статьи и исследования 1900–1920 годов / сост. вступ. ст. и коммент. А.И. Резниченко, Т.Н. Резвых*. СПб: Владимир Даль, 2014. С. 302–333.
10. *Ильин И.А.* Россия в русской поэзии // *Одинокий художник: Статьи, речи, лекции*. М.: Искусство, 1993. С. 163–216.
11. *Ключевский В.О.* Грусть: Памяти М.Ю. Лермонтова // *Исторические портреты. Деятели исторической мысли*. М.: Правда, 1990. С. 427–447.
12. *Нефедьев Г.В.* Переписка С.Н. Дурылина и Эллиса (1909–1910) // *Сергей Дурылин и его время: Исследования. Тексты. Библиография*. Кн. I: *Исследования / сост., ред., предисл. Анны Резниченко*. М.: Модест Колеров, 2010. С. 127–158. (Серия: «Исследования по истории русской мысли». Том 14).
13. *Леонтьев К.* Четыре письма с Афона (Письмо 3-е) // *Богословский вестник*. 1912. Т. 4. № 12. С. 689–709.
14. *Лермонтов М.Ю.* *Собрание сочинений: в 4 т.* Л.: Наука, 1979–1981.
15. *Лосский Н.О.* Характер русского народа // *Условия абсолютного добра: Основы этики; Характер русского народа* М.: Политиздат, 1991. С. 238–352 (Б-ка этической мысли).
16. *Лукаш И.С.* «По небу полуночи...» // *Фаталист. Зарубежная Россия и Лермонтов*. М.: Русский мир, 1999. С. 78–81.
17. *Маймин Е.А.* Философская поэзия Пушкина и Любомудров: (К различию художественных методов) // *Пушкин: Исследования и материалы / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкин. дом). Т. 6. Реализм Пушкина и литература его времени*. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1969. С. 98–117.
18. *Мейер Г.* Фаталист. (К 150-летию со дня рождения М.Ю. Лермонтова) // *Фаталист. Зарубежная Россия и Лермонтов*. М.: Русский мир, 1999. С. 224–245.

19. *Перцов П. П.* Лермонтов // Российский архив. История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв.: альманах. М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2001. [Т. 1]. С.212–236.
20. *Половинкин С.М.* Письма С.Н. Дурылина к свящ. Павлу Флоренскому // Сергей Дурылин и его время: Исследования. Тексты. Библиография. Кн. I: Исследования / сост., ред., предисл. Анны Резниченко. М.: Модест Колеров, 2010. С. 199–208. (Серия: «Исследования по истории русской мысли». Том 14).
21. *Резниченко А.И.* Сергей Дурылин: проекты и наброски (к реконструкции ландшафта). Приложения: III. «Демоны поэтов». «Лермонтов» и проекты «Московского сборника» (1917?) // Сергей Дурылин и его время: Исследования. Тексты. Библиография. Кн. I: Исследования / сост., ред., предисл. Анны Резниченко. М.: Модест Колеров, 2010. С. 463–487. (Серия: «Исследования по истории русской мысли». Том 14).
22. *Розанов В.В.* О Лермонтове // О писательстве и писателях. М.: Республика, 1995. С. 641–643.
23. *Соловьёв В.С.* Лермонтов // Философия искусства и литературная критика. М.: Искусство, 1991. С. 379–399.
24. *Сурат И.* Пушкин как религиозная проблема // Новый мир. 1994. № 1. С. 207–223.
25. *Фельзен Ю.* Из «Писем о Лермонтове» // Фаталист: Зарубежная Россия и Лермонтов. М.: Русский мир, 1999. С.31–70.
26. *Фишер В.М.* Поэтика Лермонтова // Венок М.Ю. Лермонтову: юбилейный сборник. М.; Пг.: Изд. т-ва «В. В. Думнов, наследники бр. Салаевых», 1914. С. 196–236.
27. *Флоренский П., свящ.* Приложение XXIV [к письму десятому «София»] «Бирюзовое окружение Софии и символика голубого и синего света // Флоренский П., свящ. Столп и утверждение истины М.: Путь, 1914. С. 552–576.
28. *Фудель С.И.* Собрание сочинений в 3 т. / сост. и коммент. прот. Н.В. Балашова, Л.И. Сараскиной; предисл. прот. В.Н. Воробьёва. М.: Русский путь, 2001. Т. 1. Воспоминания. Письма. 648 с., портр., ил.
29. *Шан-Гирей А.П.* М.Ю. Лермонтов // М.Ю. Лермонтов в воспоминаниях современников. М.: Худож. лит., 1989. С. 33–55.

30. Литература о жизни и творчестве М.Ю. Лермонтова. Библиографический указатель. 1825–1916 / сост. О.В. Миллер; под ред. Г.В. Бахаревой и В.Э. Вацуро; Б-ка АН СССР; Ин-т рус. лит. (Пушкин. дом). Л., 1990. 346 с.
31. Библиография литературы о М.Ю. Лермонтове. (1917–1977) / сост. О.В. Миллер; Б-ка АН СССР; Ин-т рус. лит. (Пушкин. дом). Л.: Наука, 1980. 516 с.